

И. Вороницын

История атеизма

Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
И11

И11 **И. Вороницын**
История атеизма: Выпуск 1 / И. Вороницын – М.: Книга по Требованию, 2020. – 178 с.

ISBN 978-5-517-60873-4

В книге излагается, в духе воинствующего атеизма, развитие атеистической мысли в разные периоды существования, от древнего времени до 19 века. Это предварительный выпуск книги в журнале "Атеист", существует более позднее отдельное издание 1930 года.

ISBN 978-5-517-60873-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ствующему атеизму, проповедует в подмену религии какой-то малопонятный «мистицизм без бога» и, при всем своем богатстве фактическим материалом, почти совершенным молчанием обходит ряд наиболее ценных для нас моментов в развитии социального атеизма.

Причины технического характера заставляют выпустить уже законченную первую часть «Истории атеизма» тремя выпусками. Расположение материала позволяет произвести такое разделение без особенной натяжки. Выходящий ныне первый выпуск охватывает весь период от древних времен до подготовки Просвещения во Франции включительно. В него же входят главы, трактующие английский деизм и немецкое свободомыслие в XVII и первой половине XVIII столетия. Если строго хронологический порядок изложения этим отчасти нарушен, то для полного понимания развития материализма и атеизма во Франции предварительное знакомство с английским деизмом необходимо. С другой стороны, хотя немецкое свободомыслие начала XVIII ст. ни в чем не отражается на французской философии, оно в свою очередь складывается в своеобразные формы под комбинированным влиянием спинозизма, французского скептицизма и английской философии. Кроме того, главы, входящие в первый выпуск, в отличие от последующих, проработаны за малыми исключениями не по первоисточникам.

Второй выпуск посвящен атеистическому материализму французских просветителей и представляет собою самостоятельное развитие этой большой и важной темы. Он составлен преимущественно в форме очерков, трактующих теории и деятельности отдельных мыслителей и ученых. Автор льстит себя надеждой, что в этой части своего труда он может удовлетворить запросы не только антирелигиозников, но и более широкого круга лиц, вообще интересующихся материалистической философией XVIII века. Очерки, посвященные Николаю Фрере — малоизвестному основоположнику французского материализма, Бенуа де Малье — творцу первой в новое время эволюционной теории, объясняющей атеистически происхождение и развитие жизни на земле, скромному и неяркому, поэтому совершенно забытому, но во многих отношениях интересному энциклопедисту — Дюмарсе, другому энциклопедисту — Буланже, давшему, наряду с парадоксальными взглядами на происхождение религий, также и ценную попытку сравнительно-исторического изучения религий, Робине, неудачно пытавшемуся совместить материализм с религиозным чувством, и, наконец, глубокому и блестящему Гельвецию, хорошо известному нам благодаря Г. В. Плеханову, как материалист, но неизвестному, как очень ранний атеист, — эти очерки в большей или меньшей степени дополняют то, что уже известно русскому читателю об истоках диалектического материализма и сопутствующего ему воинствующего атеизма. Все названные и другие рассмотренные в книге более известные философы-просветители были изучены автором по их подлинным сочинениям в то сравнительно далекое

уже время, когда, пережив бурю 1905 года, он обрел тихую гавань в каторжных централах Шлиссельбурга и Вологды. Тогда дни во многом помогли ему преодолеть модное увлечение эмпириокритической философией и содействовали обострению того особенного пристрастия к религии, которое служит лейтмотивом настоящей работы.

И все-таки в главах, посвященных XVIII веку, даны лишь основные и наиболее характерные черты антирелигиозности той эпохи.

Второстепенные и не вполне атеистические черты затронуты мимоходом или, в интересах большей связности рассказа, опущены.

Борьба с религией и атеизм в эпоху французской революции являются темой третьего выпуска. Историческое изложение здесь прерывается очерками, посвященными безбожным философам, как Нэжон, Дюпюи, Вольней, Лаланд и Марешаль, и краткими характеристиками наиболее выдающихся атеистов-практиков. Можно было бы, конечно, отделить революционную борьбу с религией от борьбы философской. Такое разделение в методологическом отношении было бы правильным. Но в ходе революции книги тоже отчасти играли роль событий, и деяния философские в то же время носят яркую печать бурно переменчивых лет, в которые они пишутся. Душеприказчик Дидро и Гольбаха — Нэжон всего полнее сказался в своем «Адресе» Учредительному Собранию и в статьях издававшегося им философского словаря, написанных в первый период революции. Вольней — член Учредительного Собрания, а его замечательная книга «Руины» представляет собой философскую программу революции и написана в 1791 году; в последующем он охладевает к революции и — вольно или невольно — впрягается в колесницу реакции. И Нэжон, и Вольней всего понятнее, когда с ними знакомимся под свежим впечатлением рассказа о событиях, которые их вдохновляли. Дюпюи, хотя и был членом Конвента, но положительной фигурой в революции не был. Его значение — в теоретической критике религии. А так как в этой критике он является отчасти предшественником Вольнея, то и рассматривается довольно бегло вместе с этим последним. Лаланд и Марешаль помещены в самом конце. Престарелый астроном Лаланд проявил себя безбожным философом своими добавлениями к словарю атеистов Марешаля уже тогда, когда отгремела гроза революции. А антирелигиозные выступления Марешаля растянулись на весь период революции и наиболее яркое выражение нашли в его активном и руководящем участии в «Заговоре Равных» в период реакции.

Этими соображениями оправдывается кажущаяся разбросанность материала третьего выпуска. К сожалению, при изложении антирелигиозных движений революции некоторые намеченные источники остались неиспользованными вследствие недоступности их для автора, а с другой стороны чрезмерно разросшийся объем книги побудил второстепенные моменты затронуть только вскользь.

В дальнейших выпусках «Истории атеизма» найдут место следующие основные темы: немецкое просвещение в его зависимости от французского просвещения и революции; религиозное свободомыслие и борьба с религией в России в XVIII веке и в первой половине XIX века; утопический социализм и религия; научные теории XIX века в связи с религиозной проблемой; критика религии в немецкой философии XIX века; марксизм и религия; атеизм в русском революционном движении.

Для облегчения справок к последнему выпуску будут приложены подробное оглавление и алфавитный именной указатель для всей работы.

И. Вороницын

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Необходимость во втором издании вып I—IV «Истории атеизма» выяснилась еще до окончания всего труда, и самая эта необходимость по соображениям издательски-организационным, но сила характер срочности. Поэтому в новое издание внесены лишь более или менее значительные исправления текста. Вопрос о дополнении и переработке некоторых глав — особенно I и III вып — приходится с сожалением отложить.

Вторая часть «Истории атеизма» — вып IV и V — в процессе работы претерпела значительные изменения по сравнению с первоначально намечавшимся планом. Для сокращения изложения пришлось совершенно выпустить тему о влиянии научных теорий XIX века на развитие атеизма, которая затронута в нашем изложении только попутно и весьма бегло. Значение этого пробела лишь отчасти может быть ослаблено ссылкой на то, что, в сущности, творцы научных теорий не преследовали непосредственно антирелигиозных целей, а значение антирелигиозное их теории приобрели лишь потому, что достижениями научного гения воспользовались подлинные атеисты-революционеры в своей борьбе с религией, как одной из важнейших идеологических основ классового угнетения.

Зато, учитывая полное почти отсутствие литературы по истории религиозного свободомыслия и атеизма в России, особенно в периоды предшествующие оформлению революционного движения, автор уделил этим вопросам гораздо больше внимания, чем предполагалось сначала. Такое расширение плана не могло быть осуществлено в тот сравнительно короткий срок, на который было рассчитано опубликование труда в целом, и не могло уложиться в рамках предположенных пяти выпусков. Поэтому в последнем — IV выпуске — изложение доведено до эпохи Маркса—Энгельса на Западе, а в части, относящейся к истории атеизма в России, пришлось остановиться на 40-х годах прошлого века.

Окончание всего труда потребует еще много времени и по ряду причин момент этого окончания теперь указан быть не может. Отдельные очерки, служащие продолжением нашего труда, будут печататься в журнале «Атеист» или будут выпущены издательством «Атеист» отдельными брошюрами. (В частности, очерк об А. И. Герцене и его отношении к религии уже выпущен.)

Кроме того, читатель нашей книги может ознакомиться непосредственно с важнейшими этапами развития атеизма в новейшее время по таким изданиям «Атеиста», как «Мысли Маркса и Энгельса о религии», «Мысли Г. В. Плеханова о религии» и «Мысли В. И. Ленина о религии».

АТЕИЗМ В ДРЕВНОСТИ.

Культура древнего мира представляет мало черт сходства с нашей культурой. Конечно, классовая борьба существовала и в Греции и в Риме, она приводила там к тем же результатам в развитии общественной жизни, что и в истории нового времени, но эти результаты всегда были незаконченными, они были скорее набросками, чем завершениями. Связь между материальной и духовной культурой намечается лишь в общих и грубых чертах, и высшие формы идеологии отражают преимущественно общее направление и основной характер социального развития, но не дают ясно выраженных черт классовой идеологии. Борьба классов протекает в низах духовной жизни и не поднимается на ее вершины.

Атеизм древности поэтому не носит характера хорошо заостренного и метко направленного оружия освободительного движения. Он не претворяется, даже в самых смягченных своих формах, в массовое действие, а остается далеким от жизни философским учением. Можно даже сказать, и это говорилось, что об атеизме в нашем смысле слова говорить по отношению к тем временам следует лишь с оговорками и ограничениями.

Тем не менее, великие мудрецы Греции представляют для нас большой интерес. Их учения пережили гибель их общества, и когда Европа, изживая средневековые, испытала неодолимую потребность в замене застойных религиозных воззрений способными к развитию новыми взглядами, она нашла их готовыми в могилах классического мира. Благодаря этому не только получилось сбережение духовных сил, но в сокровищнице древне-греческой мысли нашлось много теорий, приобревших в новой обстановке освободительное значение. В ней оказались также все или почти все материалы для построения религиозного свободомыслия и атеизма.

1. Космогонии. — Ионийские философы. — Элеатская школа.

Подобно тому как наша современная наука является в известной мере наследницей классической науки, первые научные теории Греции ведут свое происхождение от несовершенных попыток еще более да-

лекой древности — вавилонской, халдейской и ассирийской. Такими попытками естественного объяснения происхождения мира и явлений были космогонии — фантастические рассказы о начале вещей, в которых от религиозной скорлупы без труда можно было очистить ядро естественного объяснения, часто резко противоречившего объяснению сверхъестественному.

Во всех этих космогониях предполагалось существование первоначальной материи, несотворенной, вечной, из которой произошли первые существа. «Было время, когда все было тьма и вода и из них сами собой зародились чудовищные животные и самые необыкновенные фигуры: люди с двумя крыльями, а некоторые с четырьмя, с двумя лицами, с двумя головами на одном туловище — одна мужчины, другая женщины и с двумя половыми органами одновременно; люди с ногами и рогами козы или с копытами лошади; другие имели задние оконечности лошади, а передние — человека наподобие гиппоцентавров». Эти чудовищные произведения, неудавшиеся опыты природы, не могли выжить в соприкосновении с воздухом.

Первая материя обладает влажностью, это — плодородный ил хаоса, и из него наряду с первыми существами произошли также боги, т. е. более совершенные существа, но принципиально те же творения слепого и безличного хаоса.

Эти первые любопытные попытки дать объяснение происхождению вещей совершенно исключают всякое представление о творце, провидении, о сверхъестественном. Творец, как и в библейском мифе сотворения мира, появляется уже во вторую очередь, чтобы внести порядок в мир хаоса, существующий независимо от него. В первоначальных натуралистических мифах он служит для обозначения того элемента природы, уловить который непосредственно бедная опытом мысль древности не была в состоянии. Здесь она пользовалась готовой религиозной формой, обожествлявшей солнце, землю, море, огонь и т. д.

Только у греков (эллинов) делаются более серьезные попытки использовать космогонии Азии для устранения религиозных объяснений и придания им более совершенной формы.

В ионийских колониях Греции, на побережье Малой Азии, образуется первый значительный центр греческой культуры. Здесь, благодаря исключительно благоприятному географическому положению греческих поселений, раньше всего развивается торговля с восточными странами и принимает широкий, почти мировой характер. Экономические потребности приводят к общению с восточными государствами, к усвоению значительно развитой у них промышленной техники и знаний, обуславливающих эту технику. Математические, астрономические и географические познания Востока здесь не только приживаются, но и развиваются дальше и передаются затем остальным более отсталым провинциям. Здесь также раньше, чем в других греческих городах, изживается господство феодалов, земельной аристо-

кратии, и новые политические формы в немалой мере содействуют стремлениям к свободному от традиций объяснению мира и жизни. Ионийские философы VI века, до христианской эры закладывают основы этого нового миропонимания. В большинстве своем они принадлежат к торгово-промышленной группе населения, к буржуазии, движущему классу общества этого периода. И дух предприимчивости, жажда новизны, свойственные этому классу, видны и в их теориях.

Фалес — первый из этой ионийской школы. Для него первома-терия — это вода. Вода породила все вещи мира без всякого вмеша-тельства какой-либо посторонней причины. Почему именно на воде остановился он? Потому ли, что в космогониях Востока обожествлен-ное море — колыбель жизни, или потому, что он наблюдал явления природы, в которых влага является необходимым условием зарожде-ния и жизни, а разложение сопровождается превращением твердых на первый взгляд тел в жидкость? Это остается неизвестным, так как он не изложил своих теорий в письменном виде или его сочинения не дошли до нас. Следует полагать, однако, что главным источником этих взглядов были космогонии, так как в то время наблюдение при-роды еще не отделилось от религии, чтобы стать главным пособником науки.

Эту первичную материю Фалес представляет себе, как обладаю-щую жизнью, душой. Одухотворение материи у него еще прибли-жается к анимистическому пониманию и представляет собою переход-ную ступень от многобожия его современников к атеизму его после-дователей. Одушевляя природу, он считал ее «полной богов». Это его выражение, однако, как отмечает историк материализма Ф. А. Ланге ¹⁾, можно толковать как чисто символическое. Сущность этой теории и главное ее значение состоит в том, что, принимая веч-ность материи и ее одушевленность, Фалес намечает путь для нату-разлима. Человек и природа для него, как и для его последователей, едино суть. Человек не отрывается искусственно от природы, душа не отделяется от тела, дух от материи и бог от мира.

Теория всеобщей одушевленности — гилозоизм — у Анакси-мандра, ближайшего последователя Фалеса, принимает продуманный материалистический и атеистический характер. Его первома-терия уже не какое-нибудь определенное тело, не вода, как у его учителя, не воздух, как у Анаксимена, бывшего продолжателем ионийской школы, или огонь, как у Гераклита, а нечто неопределенное, лежащее в основе всех тел. Эта первооснова всего мироздания, а п е й р о н, как он ее называет, бесконечна, находится в вечном движении, обладает вну-тренней энергией, принимает различные формы. Влажное начало или вода по отношению к апейрону или вечной первооснове — уже вто-ричная форма. Из нее затем произошли земля, воздух и огонь. Эти

¹⁾ «История материализма», пер. Н. Страхова. СПб., 1899, стр. 5.

четыре элемента, образующие чувственный мир, играют в научном познании природы в позднейшие века преобладающую роль и теряют свое значение лишь к концу XVIII века.*

Здесь, таким образом, устанавливается вечность и несотворенность материи, живой и чувствующей. Для творца не остается места. Все происходит естественным образом. Теплота солнца (огонь) высушила землю, вышедшую из влажного хаоса, а остатки водной стихии, этого «семени вещей», собрались в океан и сделали солеными и горькими. Первые живые существа зарождаются в море и из них мало-по-малу развиваются животные, вплоть до человека, при чем Анаксимандр в этом развитии отводит главную роль благоприятным условиям существования, т.-е. приспособлению. Это было первым выражением идеи трансформизма, превращения одних видов животных в другие. Формы, в которых высказываются эти взгляды, до крайности примитивны, и когда Геккель называет Анаксимандра предвозвестником Канта и Лапласа в учении о происхождении мира, и Ламарка и Дарвина — в биологии, он заходит слишком далеко. Такие сближения представляют вещи в слишком преувеличенном виде. Анаксимандр в лучшем случае был предшественником последних выразителей эволюционизма древности — Эпикура и Лукреция и продолжателей этого эволюционизма в новое время — французских философов XVIII века. Между ним и Дарвином имеется ряд посредствующих звеньев, без которых идея эволюции не могла бы превратиться в эволюционную теорию, как мы понимаем ее теперь.

Те первые животные, от которых произошел человек, по Анаксимандру зародились в воде и первоначально были покрыты колючей скорлупой. Эти животные, достигшие известной величины, оказались способными выходить на высохшую землю; здесь их скорлупа лопнула и они «вскоре изменили свой род жизни», т.-е. приспособились к условиям новой среды. В доказательство того, что люди не всегда были такими, как ныне, а развились до нынешнего состояния, Анаксимандр ссылается на то обстоятельство, что человек один только из всех животных не в состоянии долгое время после рождения добывать себе самостоятельно пищу.

Эти натуралистические взгляды у него еще сильно связаны со своими первоисточниками, с космогониями и, хотя они сознательно исключают религиозное объяснение вещей, религиозный оттенок в них остается и сказывается, например, в том, что Анаксимандр и его ученики, считая рыб прародителями человека, воздерживались от употребления их в пищу. Рыба, между прочим, была священным животным в Сирии.

Элеатская школа продолжает научные теории гилозоистов. Основателем ее был Ксенофан (576—480 г.г.). Мир для него был единым целым. Он соглашался с Анаксимандром в том, что человек ведет свое происхождение из переходного периода развития земли

от жидкого состояния к твердому, и начало жизни видел в самозарождении под влиянием солнечной теплоты. Он первый в истории науки увидел в ископаемых остатки былой животной жизни и нашел в этом доказательство того, что некогда море покрывало всю земную поверхность. Человек, по его мнению, не отличается от животного, его душа есть только дуновение.

Религиозные воззрения Ксенофана допускают различные толкования. Он был свободомыслящим человеком и выступал прогив господствующего религиозного мнения. Многобожие с его смешными сказками он противопоставляет идею единого бога, вечного и непреходящего. Антропоморфизм, т.-е. уподобление божества людям, вызывает с его стороны резкие нападки. Так, ему принадлежит следующее изречение: «Если бы быки или львы имели руки и могли этими руками рисовать и вообще создавать ими то, что создают люди, то они изображали бы вид и форму богов по своему подобию». Бог-провидение также не вызывает в нем энтузиазма «Нет, — восклицает он в одном из своих знаменитых стихов, — не боги все дали смертным в начале, а сам человек с течением времени и своим трудом улучшил свою судьбу». Единный бог Ксенофана не имеет в себе ничего человеческого и, можно сказать, ничего божественного. Это — бог-природа, бог-мир. Это то, что называется пантеизмом и отличается от атеизма лишь терминологией. Эту черту, философии Ксенофана прекрасно подметил самый выдающийся из французских материалистов XVIII века Дидро в статье Энциклопедии, посвященной элеатской школе. «Эта система, — говорит он, — недалеко от спинозизма. Душа мира, которую, повидимому, придумал Ксенофан, не имеет ничего общего с тем, что мы понимаем под духом».

Парменид, ученик Ксенофана, устраняет указанный недостаток, и термин бог в его системе уже заменен понятием мира, вселенной

2. Демокрит.

Самым выдающимся философом этого так называемого натуралистического периода греческой философии был Демокрит, родившийся между 480 — 470 г.г. до христианской эры.

«Демокрит должен быть причислен к величайшим между великими мыслителями древности», — говорит Ф. А. Ланге. И, действительно, охват его знаний, его энциклопедичность и сила проникновения его ума не были превзойдены ни одним из философов древности. История философии, однако, занималась Демокритом очень мало. Его последовательный материализм, отрицающий всякое сверхчувственное и сверхопытное объяснение, отталкивал от него не только богословов всех родов, но и философов господствующих школ. А на всем протяжении нового времени господствовали, как известно, школы идеалистического направления, глубоко и резко враждебные материализму и атеизму. И хотя нельзя было совершенно замолчать зна-

чение «отца физики» в развитии новейшей науки, это значение всеми способами умалялось ¹⁾).

Подобно Фалесу, Пифагору и др. философам этого периода, Демокрит из Абдеры вышел из среды богатой и просвещенной буржуазии восточных греческих колоний. Он получил прекрасное образование и говорили даже, что его первыми учителями были персидские маги. Страсть к знанию побудила его после смерти отца, очень богатого купца, употребить свою долю наследства на путешествия. Он сам говорил, что никто из его современников не совершал таких длинных путешествий в самые отдаленные страны. «Я не щадил ничего, чтобы приобретать знания. Я видел всех знаменитых людей моего времени; я объездил все страны, где ожидал встретить истину, расстояние меня не пугало. Я наблюдал различия многих климатов; я собирал данные об явлениях, происходящих в воздухе, в земле и в водах. Утомление странствиями не мешало мне размышлять; я занимался математикой на больших дорогах и в молчаливом уединении моего жилища. Я не думаю, чтобы кто-либо, не исключая и египетских жрецов, превзошел меня ныне в искусстве доказательств с помощью чисел и линий». Очень вероятны рассказы, что он побывал в Эфиопии, в Египте и Персии.

Вернувшись в Грецию после долгих лет, проведенных в странствиях, он поселяется в родном городе и вскоре приобретает славу человека, обладающего даром божественного разума. Сograждане осыпают его почестями, делают его даже правителем. Когда его положение, благодаря проискам врагов, пошатнулось и на основании вновь изданного закона ему, как сыну, промотавшему наследство отца, угрожали суд и лишение права на погребение в родном городе, он на площади перед народом в свое оправдание прочитал одно из лучших своих сочинений. Триумф был полный: народ наградил его большой суммой денег и воздвиг в его честь бронзовый памятник.

Повидимому, общественными делами он занимался недолго, а предпочел все свое время отдавать науке и философии.

Его связывает тесная дружба, основанная на общих научных интересах, с великим врачом Гиппократом. Анекдотически начало этой дружбы связывается со следующим фактом. Абдериты, обеспокоенные многими странностями в образе жизни и поступках Демокрита, пригласили Гиппократа в Абдеру, чтобы освидетельствовать умственные способности философа. Врач приехал и убедился, что перед ним совершенно здоровый, но незаурядный ум. Пациент превратился в друга, а может быть, в учителя.

О нем вообще сохранился ряд анекдотов. Вот один из них. Ища тишины и одиночества для размышления, Демокрит дни и ночи про-

¹⁾ Прекрасное изложение и оценку учения Демокрита русский читатель найдет в книге Р. Пикеля «Великий материалист древности», изд. «Новая Москва» 1924 года